

СКАЗОЧНАЯ КАРТИНА МИРА КАК ПОЛИКОДОВЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

И. П. Черноусова

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 20 января 2021 г.

Аннотация: статья посвящена изучению сказочной картины мира в призме лингвокультурных кодов на материале русской волшебной сказки «Финист ясный сокол». Сказочная картина мира — поликодовый лингвокультурный феномен, представляющий собой идеализированный образ ирреального, подобного земному миру, описанный с помощью различных лингвокультурных, в том числе фольклорных кодов. В сказочной картине мира традиционные смыслы имеют иерархизованный и разветвленный характер: выделяются доминирующий (создание семьи) и второстепенные (брачные испытания, разрушение и последующее восстановление брака).

Ключевые слова: фольклорно-языковая картина мира, сказочная картина мира, лингвокультурные коды, поликодовый лингвокультурный феномен, фольклорные формулы.

Abstract: the article deals with the study of the fairytale picture of the world through the prism of linguocultural codes based on the material of the Russian fairy tale "Finist the Falcon". The fairy-tale picture of the world is a polycode linguocultural phenomenon, which is an idealised image of the unreal, similar to the earthly world, described by means of various linguocultural codes, including folklore codes. Among traditional meanings in the fairy-tale picture of the world characterised by a hierarchical and ramified nature dominant (creating a family) and secondary ones (marriage trials, the destruction and subsequent restoration of marriage) are distinguished.

Keywords: the folklore-language picture of the world, the fairy-tale picture of the world, linguocultural codes, polycode linguocultural phenomenon, folklore formulas.

В XXI веке одним из приоритетных научных направлений является лингвокультурология, рассматривающая «язык как систему воплощения культурных ценностей сквозь призму кодов языка» [1, 6]. Существуют различные классификации лингвокультурных кодов [2; 3], которые до сих пор исследовались на материале фразеологии и художественной литературы [4; 5; 6]. Мы впервые обратились к анализу фольклорно-языковой картины мира в призме лингвокультурных кодов, среди которых выделяем фольклорные коды — знаковую систему, применяемую для осмысления и означивания виртуальной реальности, существующей в пространстве иного, чем земной, мира.

Объект нашего исследования — сказочная картина мира, являющаяся разновидностью фольклорно-языковой картины мира, отраженная в фольклорных формулах и рассматриваемая в призме лингвокультурных кодов.

Предмет исследования — лингвокультурные коды, с помощью которых осуществлялась персемантизация, перекодировка мифологического, этнографического и исторического материала путем пе-

ревода традиционных культурных смыслов на язык поэтической символики.

Базой эмпирического материала послужили авторитетные собрания русских сказок: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3-х томах [7]; Великорусские сказки в записях И. А. Худякова [8]; Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина [9].

Актуальность темы определяется общей тенденцией современной лингвистики, рассматривающей взаимосвязь культурных факторов и языка, и вызвана необходимостью глубокого анализа фольклорных формул, которые концентрируют культурно значимую информацию. «Формула — центр семантической гравитации, на который оседают духовные ценности целых эпох» [10, 87]. Исследование выполнено в русле актуальной в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы, в рамках лингвофольклористики.

Цель работы — определить систему лингвокультурных кодов в сказочной картине мира и их роль в создании традиционных смыслов русской волшебной сказки (на примере сказки «Финист ясный сокол»).

Изучение сказочной картины мира в призме лингвокультурных кодов позволяет выявить национально-культурную информацию, скрытую от ис-

следователя и являющуюся ключом к пониманию фольклорного текста и фольклорных образов. В этом видится **научная ценность** полученных результатов.

В сказочной картине мира, отраженной в волшебной сказке «Финист ясный сокол», нами отмечены лингвокультурные коды: антропонимический, антропоморфный, зооморфный, орнитологический, витальный, одорический, религиозный, количественный, природно-ландшафтный, колоративный, пространственный, архитектурный, предметный, свадебный, эротический и магический.

Имя желанного суженого *Финист ясен сокол, цветные перышки* [7, № 235], *Фенисно-ясно-сокол-перышко* [8, № 39], указывающее на таинственную природу и предназначение, содержит названия разных птиц: Финиста и Сокола (орнитологический и антропонимический коды). Первый компонент имени *Финист* представляет собой искаженное греч. *феникс* (др.-рус. «финикс») — мифологическая долгоживущая птица, возрождающаяся после гибели, символ вечного обновления, бессмертия. Вторая составляющая имени — Сокол «возникло под влиянием метафорического образа — жениха (сокола, соколика), распространенного в русских свадебных песнях. *Сокол* в данном контексте синонимичен слову *молодец*. В славянской мифологии сокол стал символом семейного благополучия» [11, 153]. В сказочной картине мира представлен антропоморфный образ Финиста ясна сокола — чудесного супруга в облике сокола, тайно посещавшего свою возлюбленную и способного к оборотничеству (антропоморфный и магический коды). В анализируемой сказке представлен типичный способ, с помощью которого происходит превращение Финиста ясна сокола в человека и обратное превращение, — удар о землю или об пол, что выражено фольклорной формулой: «Ударился о сырую землю / об пол, явился / сделался / оборотился / обернулся / стал / нарядился молод(е)ц(-ем) / царевич(-ем) / перышком (ясным соколом)».

Магический код воплощается также в описании тех действий, которые необходимо выполнить, чтобы оказать воздействие на окружающий мир с целью получения определенных благ: «Да вот тебе перышко из моего крыла; если понадобятся тебе какие наряды, выйди на крылечко да только махни им в правую сторону — и миг перед тобой явится все, что душе угодно!» [7, № 235, с. 242]. Здесь отмечено наложение магического, пространственного и предметного кодов: взмах в правую сторону означает появление необходимых предметов и людей; взмах в левую сторону — исчезновение волшебных предметов и возврат героини к прежнему облику.

В сказочной картине мира церковь — здание, в котором в воскресенье или около святой недели происходит христианское богослужение: заутреня, обедня, читаются молитвы («Достойно»), но в связи с перекодировкой и в соответствии с законами сказочно-

го мира значение сакральности приобретает дополнительное толкование (религиозный код): в церкви произошла первая встреча с суженым и объяснение в любви: «В прошлое **воскресенье он у обедни был, все на меня смотрел; я и говорила с ним... ведь он любит меня, батюшка!**» [7, № 235, с. 241].

Открытое окно — вход для Финиста в светелку / горницу / спальню невесты. В фольклорной формуле «*ножи на окне*», имеющей традиционное значение: «Канал связи с представителем иного мира прерван», отмечено наложение предметного и архитектурного кодов: «*Сестры-то ее вошли в ее спальню, на окне, куда прилетал фенисно-ясно-сокол-перышко, натыкали ножей*» [8, № 39, с. 115]; «*Сестры ... поставили ножки на окошечке*» [9, № 32 (67)]. Из-за вредительства сестер Финист покидает возлюбленную и улетает в свое царство.

Местонахождение чудесного супруга — «за **тридцать земель, в тридцатом царстве**» («в **пятидесятом царстве, в осьмидесятом государстве**»), что означает: в ином мире. В этой фольклорной формуле, включая ее варианты, заключены несовместимые значения: «царство-государство и тридцатое и тридешатое. Между тем тридешатое — значит тридцатое, а тридешатое — двадцать седьмое [12, 20]. «Если вздумаешь искать меня, то ищи за **тридцать земель, в тридешатом царстве**» [7, № 234, с. 237].

Здесь отмечено взаимодействие количественного и природно-ландшафтного кодов: «множественность» земель (на это указывают форма мн. ч. и числительное *тридешать*, обозначающее большое количество, несметное множество), создает образ удаленности от «своего» пространства, в результате чего метафорически образное содержание формулы соотносится с далеким, неизвестным, неосвоенным пространством, потенциально опасным для человека.

Для поиска потерянного суженого героиня предпринимает путешествие в царство Финиста ясна сокола. На границе своего и чужого миров находится избушка «на курьих ножках» (зооморфный код: зооморфизм — уподобление животному по внешнему виду). Избушка, сохраняющая признаки живого существа — курицы, открытой стороной обращена к тридешатому царству, закрытой — к царству, доступному героине: «Вдруг видит: стоит перед ней чугунная **избушка на курьих ножках** и беспрестанно повертывается» [7, № 235, с. 243]. Это сторожевая застава. Избушку нельзя обойти и войти с другой стороны, потому что она стоит на грани двух миров, через которую герой никак не может перешагнуть. Попасть на эту грань можно только через, сквозь избушку, и ее нужно повернуть, чтобы зайти и выйти [13, 59].

Обращение к вращающейся избушке: «*Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом*» — заговорная формула (магический код). Традиционное значение этой формулы, являющейся своего рода паролем, — «Избушка, повернись наоборот: закры-

той стороной к иному царству, а открытой — к героине»: *«Избушка, избушка! Повернись к лесу задом, ко мне передом; мне в тебя лезти — хлеба ести»* [7, № 235, с. 244].

Поименование магического кода, в анализируемой формуле находит воплощение природно-ландшафтной коды, представляющий совокупность имен природных объектов и элементов ландшафта, выступающих в роли знаков «языка» культуры: здесь *лес* называет чужое пространство, иной мир. В. Я. Пропп отмечает, что в названии леса тесно связаны два представления: «сказочный лес, с одной стороны, отражает воспоминание о лесе как о месте, где производился обряд посвящения, с другой стороны — как о входе в царство мертвых» [13, 58].

Значение «чужое пространство» закодировано также в словосочетаниях: *темный, дремучий лес, синее море, синяя даль* и в названии архитектурных сооружений с золотой отделкой (колоративный, природно-ландшафтный и архитектурный коды).

В сказочной картине мира признаком витального кода, в котором доминирует семантика жизни, является сон и пробуждение от сна. В фольклорной формуле: *«Как я долго спал!»* сон имеет значение: «состояние человека, уподобляемое смерти («вечному сну»), и один из каналов связи с потусторонним миром» [14, 119]. В таком волшебном предмете, как булава, вызывающая сон, отмечено наложение предметного и витального кодов: *«воткнула ему в волосы булаву — он тотчас заснул крепким сном»; «выронила нечаянно волшебную булаву, Финист ясен сокол, цветные перышки, тотчас проснулся»* [7, № 235, с. 246].

В фольклорной формуле *«Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слухом не слышать, а нынче русский дух по вольному свету ходит, воочью является, в нос бросается!»* [7, № 235, с. 243–244], в которой закодирована информация о чужом запахе (одорический код), «кроется противопоставление *свой — чужой* в двух вариантах *человек — нечеловек* и *живой человек — мертвый человек*» [15, 159]. Кроме буквального смысла формулы: «этнический запах» говорит именно о русских, и тем самым представляет Бабу-Ягу как существо другого, нерусского племени, как «не свою» [16, 135], «русский» называет запах живого человека [13, 65].

Для вызова, поиска и возвращения потерянного чудесного супруга используются волшебные предметы (предметный код). Аленький цветочек или перышко Финиста ясна сокола символизируют предмет, с помощью которого можно вызвать суженого: *«Каждую ночь, как только поставишь ты аленький цветочек на окно, стану прилетать к тебе, моя милая!»* [7, № 235, с. 242]. Обувь, посох и хлеб необходимы для поиска потерянного чудесного мужа. «Обувь, посох и хлеб были те предметы, которыми снабжали умерших для странствий по пути в иной мир. Железными они стали позже, символизируя долготу

пути... Железная обувь есть признак отправления героя в иной мир» [13, 49–50]: *«Сделал ей кузнец три чоботы железные, три прута железные и три просвиры железные, и пошла она»* [8, № 39, с. 115]. Чугунные и каменные предметы так же, как и железные, символизируют долготу пути в ином мире (*«три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала»* [7, № 234, с. 239]).

Волшебные предметы, с помощью которых можно вернуть потерянного чудесного супруга: *серебряное блюдечко и золотое яблочко — само катается; золотые пальца, серебряная иголка — сама шьет; золотой гребешок, серебряное намыко и золотое веретенце — само прядется* [8, № 39, с. 115–116]; *серебряное блюдо и золотое яичко, золотое пялечко да иголочка сама вышивать будет, серебряное донце, золотое веретенце* [7, № 234, с. 238–239] и др. Это самые разнообразные предметы: приспособления для ручного прядения пряжи и для вышивания, гребешок, посуда, инструмент, изделия, но все они золотые, серебряные и бриллиантовые, что свидетельствует о принадлежности их к иному миру, тридевятиному царству, тридесятому государству. Эти предметы использовались в производстве одежды (прялка, веретено, пальцы) или при приготовлении пищи (блюдечко, жбанчик, ведерышко) — того, что соприкасалось с телом человека. В использовании всех этих волшебных предметов закодирована сексуальная сила и энергия любви. Здесь отмечено наложение двух лингвокультурных кодов: предметного и эротического. Причем заветные волшебные предметы сами производят действия, результатом которых является золотая нить и чудные узоры, символизирующие ощущения человека: *«нитка не простая, а чистого золота»; «иголочка сама вышивает — да такие узоры чудные!»* [7, № 234, с. 238–239].

Героиня, преодолевшая много трудностей в пути и купившая три ночи с любимым у второй жены-соперницы за волшебные предметы, возвращает себе мужа (свадебный код): *«Продай, красная девица, продай, — говорит, — мне свою забаву!» — «Пожалуй, купи!» — «А как цена?» — «Позволь с твоим мужем третью ночь перебыть».* — *«Хорошо, я согласна!»* [7, № 234, с. 239].

Таким образом, сказочная картина мира представляет собой поликодовое явление, сотканное из взаимосвязанных лингвокультурных кодов, участвующих в создании традиционных смыслов (создание семьи, прохождение брачных испытаний и возвращение мужа к первой жене). Между кодами не существует четких границ. Нами учитывалось взаимопроникновение (наложение) лингвокультурных кодов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова В. А. Современная лингвистика — наука о человеке, его сознании, языке и культуре / В. А. Масло-

ва // Гуманитарный вектор. — 2018. Т. 13. № 1. — С. 6–10.

2. Красных В. В. Коды культуры и эталоны русского мира // В. В. Красных. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — С. 297–315.

3. Битокова С. Х. Картина мира в призме культурных кодов / С. Х. Битокова // Язык как система и деятельность: материалы Международной научной конференции. — Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2010. — С. 154–156.

4. Маслова В. А. Коды культуры в пространстве языка / В. А. Маслова, М. В. Пименова. — СПб, 2015. Вып. 9. — 152 с.

5. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры / М. Л. Ковшова. Изд. 3. — М.: УРСС, 2016. — 456 с.

6. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 285 с.

7. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3-х томах. 6-е изд. — М.: ГИХЛ, 1957. — 1500 с.

8. Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. — М.-Л.: Наука, 1964. — 301 с.

9. Великорусские сказки Пермской губернии. Сбор-

ник Д. К. Зеленина. — М.: Правда, 1991. — 544 с.

10. Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. (Исследование по эстетике устно-поэтического канона) / Г. И. Мальцев. — Л.: Наука: Ленинградское отд., 1989. — 168 с.

11. Пименова М. В. Этногерменевтика русской сказки: монография / М. В. Пименова. — М.: ИНФРА-М, 2020. — 355 с.

12. Медриш Д. Н. О поэтике волшебной сказки / Д. Н. Медриш // Проблемы русской и зарубежной литературы. — Волгоград: ВГПИ, 1971. — С. 3–28.

13. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Л.: Лениздат, 1986. — 415 с.

14. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / Под общей редакцией Н. И. Толстого / РАН, Институт славяноведения. — М.: Международные отношения, 2012. — Т. V. — 736 с.

15. Иванов В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. — М.: Наука, 1965. — 246 с.

16. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М.: Акад. проект, 2001. — 989 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тянь-Шанского

Черноусова И. П., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Института филологии

E-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyanshansky University

Chernousova I. P., Doctor of Philology, Professor in the Department of Russian language and literature Institute of Philology

E-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru